

Надежда в бездонной дали

Скращения дорог Петра Проскурина

Александр БОБРОВ, поэт

Писательская и общественная судьба Петра Проскурина, 75-летие которого отмечается в эти дни, сложилась достойно и заслуженно удачно. Его знали и любили миллионы читателей. В своих путешествиях по России я всегда старался зайти в тихую районную или сельскую библиотеку, поинтересоваться, что читают местные книголюбы, которых

даже в глубинке было немало. Так вот, на первом месте среди книг живущих писателей зачастую оказывались романы Проскурина – "Горькие травы", "Судьба", "Имя твое". Ну а когда вышел многосерийный фильм, особенно "Любовь земная" с музыкой и песнями Евгения Птичкина, с выдающимися актерскими работами Матвеева, Остроумовой, Кириенко, Малеванной, герои эпического сценариста стали родными для огромной страны. Но не все поклонники романиста знали, что он, такой основательный, рослый, с прямым взглядом и высоким лбом мыслителя, еще пишет и трепетные лирические или тонкие философские стихи. Для меня самого явилось откровением, когда Петр Лукич предложил для "Литературной России" в год 600-летия Куликовской битвы подборку своих лирико-исторических стихотворений. Видно, в душе уроженца Брянщины – земли боярина, а потом монаха Пересвета, начинавшего смертным поединком с Челубеем великое сражение, эта дата отозвалась особо сокровенно. Появлялись и глубокие писательские статьи, художественные очерки: "Слово о Сергии Радонежском", "Сотворение души. На земле Пересвета".

На брянской земле, где Проскурин завещал себя похоронить, прозвенело детство писателя. В древнем городе-крепости Севске он пошел в первый класс, встретил войну, увидел уличные бои в городе, разорванном надвое линией фронта. После оккупации и Курской дуги семья Проскуриных жила в немецкой землянке в поселке Косицы. "Нас в поселке проживали пятеро ребят двадцать восьмого года рождения, без нас, женихов, не обходилось на гулянках. Было много и трагического, и прекрасного, и вызывающего неудержимое веселье; было и такое, о чем в селах помнят потом десятилетиями, и многое из той поры жизни нашего поселка перешло потом в рассказы и романы – в "Горькие травы",

в "Судьбу", в "Имя твое".

Уже на склоне лет поседевший знаменитый писатель заново обратился к образу своей матери. Это был обобщенный образ солдатки, благословляющей того, кто ощутил в своей руке праведный меч.

Успокой меня, матушка, успокой,
Проводи за родимый порог
И своей молитвой укрой
На скрещеньях дальних дорог.
Говорят, что опасен путь
С гордо поднятой головой,
Но ведь каждый должен взглянуть
Хоть однажды в даль над собой...

Какой неожиданный и точный оборот – даль над собой! Даль, которая мерцает звездами, как требовательными взорами тех, кто жил и любил до нас, кто завещал нам хранить Родину и продолжить путь с гордо поднятой головой. Именно им шел сам Петр Проскурин, а потому и любимый герой его – Захар Дерюгин, который "размашисто" оглядывает небо, где летает его сын, еще не зная о трагической гибели Николая, говорит жене Евфросинье: "Что, мать, не в себе, а?.. Ничего... раз надо, осилим и это, не помрем". Помню, на сороковинах писателя, произнося свой скорбный тост, народная артистка СССР Зинаида Кириенко сказала, что ей повезло встретить и в жизни, и в кино настоящих мужиков. Играла жен Григория Мелехова, Захара Дерюгина... "Из этой же породы был сам Петр Лукич...", – завершила она.

После армии порода его закалялась на Дальнем Востоке, где работал он сплавщиком, вальщиком уникальных лиственничных лесов, шофером. В свободное время, в основном по ночам, писал первые рассказы и роман "Глубокие раны", которые были замечены в Хабаровске журналом "Дальний Восток". Там же, за ухой и спиртом на берегу реки Камчатки, непьющий и пытливый начинающий писатель услышал от бригадира Самородова лихой рассказ о том, как в верховьях летел самолет с зарплатой геологам, работникам совхозов: "Три миллиона, говорят, вез. А в сопках сгинул, две недели уже ищут, а? Хоть бы что, вроде сквозь землю провалился! А? Три миллиончика...". Через много лет, когда застопорилась работа над романом "Судьба", к Проскурину вернулось ощущение далекой таежной ночи, беспредельной жизни, ежеминутного риска. "...И я понял, – вспоминал писатель, – что должен вернуться в свою молодость. За месяц я написал повесть о пропавших в сопках миллионах; когда поставил последнюю точку в повести, сразу пришло и завершение "Судьбы"... Началом и истоком всего был народ – бесконечный, беспредельный, со своей неистребимой жизнестойкостью, многоликий и

неисчерпаемый, несущий в себе прятную тайну жизни, творящий вечные законы, и непонятный".

Мне до сих пор кажется странным, как по остросюжетной повести "Тайга" не сняли настоящий русский боевик. Литературный материал и по сей день не устарел – нетривиальный сюжет, яркие характеры. Увы, нет пророка в своем Отечестве, нет той степени интереса к жизни, неординарным людям, подноготной правде, которые всегда проявлял и воплощал Проскурин. Едет даже в родные края – расскажет о замечательной собирательнице фольклора Славяниновой, поможет ей издать звонкую книгу "Севская частушка" (она украшает мою частушечную библиотечку). Напишет о знаменитом Дятьковском хрустальном заводе, о его мастерах... Сам с ранних лет пахавший и косивший, сплавлявший лес, Проскурин не только знал цену труду, но на всю стихию необъятной жизни смотрел с корневой, незыблемой и православной точки зрения человека труда – "по делам их судите их". Потому писатель не мог впасть в грех уныния, в оголтелое охаивание или слащавую идеализацию.

В последние годы жизни Проскурин продолжал много работать, издал уже несравненно меньшими тиражами роман "Седьмая стража", сборник рассказов "Аз воздам, Господи", книгу поэзии и мемуаров "Зов вершин". Писал он в основном вдалеке от московского кипящего котла – в Твери, в квартире родственников жены Лили над рекой Тьмакой. Недавно на этом доме была открыта мемориальная доска – все-таки русская провинция ценит преданных ей сынов и летописцев, усилия их вдов и соратников.

Встречая Проскурина на писательских пленумах, в деловых и творческих поездках, на его 70-летнем юбилее, можно было заметить, какие глубокие и скорбные морщины залегли на его скульптурно-мужественном лице, как потемнели подглазья. Он выступал и писал весомо, убежденно, хотя горечь постоянно прорывалась: "...Вожди, президенты приходят и уходят, а народ все-таки вечен, его историческое время течет совершенно в ином измерении. Для глубинного сознания народа даже века, по сути дела ничего не меняют. А для антинациональных режимов несколько дней или даже часов определяют их участь. Так уж все устроено, и это никому не переделать. И XX век преподал русскому народу незабываемый урок – наконец-то с него начинают сползать исторические шоры, и он больше никогда не поверит в добренького барина, в эдакого заботливого отца народа, и поэтому на очереди русское явление очередной титанической личности". Дай-то Бог, хотя порой с трудом верится и в сползание исторических шор, и в явление титанической личности. Но, может быть, старший товарищ сумел дальше и яснее разглядеть надежду в бездонной дали над собой.